

The illustration features a woman with long, dark hair and striking green eyes, wearing a vibrant red off-the-shoulder dress. She is holding a glowing crystal ball with both hands, which reflects a colorful, ethereal light. She is positioned in front of a stone archway with classical columns. To the right, there are green leaves and yellow flowers. The background within the arch is a deep blue with soft, white clouds. The overall style is that of a classic fantasy or occult-themed book cover.

Лариса Малмыгина

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ
ВЕДЬМОЙ

Лариса Малмыгина

Легко ли быть ведьмой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41608972

ISBN 9785449640192

Аннотация

Если не знать магических правил, трудно быть здоровым и успешным, а ведунья Вероника их знает и учит тех, кто ими интересуется. В книге даны благополучно опробованные автором заговоры и ритуалы.

Содержание

Глава 1. Родимое пятно	5
Глава 2. Две колдуньи	11
Глава 3. Начало неизведанной жизни	18
Глава 4. Страсти накаляются	26
Глава 5. Икона в гробу	35
Глава 6. Порченная	42
Глава 7. Поиграли	49
Глава 8. Любящая кошка	56
Глава 9. Союзницы	63
Глава 10. Чистый четверг – время изменить судьбу	72
Глава 11. Свекровь – чужая кровь	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Легко ли быть ведьмой

Лариса Малмыгина

Дизайнер обложки Алеся Резникова

© Лариса Малмыгина, 2019

© Алеся Резникова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4019-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Родимое пятно

Я родилась тринадцатого сентября с большим родимым пятном возле левого глаза, что очень расстроило маму.

– Теперь я Вероничку всегда узнаю, – улыбнулась акушерка, зашедшая в палату. – А красавица-то какая! Чисто ангелочек!

– Не ангелочек, – отозвалась с соседней койки цыганка Земфира, – колдунья она. Бог шельму метит.

– Глупости! – у родительницы задрожал голос.

Мамина мама была знахаркой, но это тщательно ото всех скрывалось – времена были такие.

– Очень красивая девочка, – возразила цыганке медичка.

– В том то и дело, – усмехнулась Земфира. – Слишком красивая. Только пятно это не от Бога.

А потом я заболела дизентерией и нас из роддома сразу же перевели в инфекционную больницу. Говорят, в тот год дизентерия людей как траву косила. Только я одна из палаты осталась жива, а в ней лежало четверо грудничков.

– Ослепнет ваша девочка, – сказала врач-инфекционист перед выпиской.

Но я не ослепла, только к первому классу почувствовала, что вижу неясно и надела очки. Они скрыли родимое пятно.

Росла я шустрой и очень любопытной. Никого не боялась и не стеснялась. Когда к родителям приходили гости, я та-

щила стул, вставала на него и, скрестив руки на груди, с выражением пела взрослые песни. Мне хлопали и умилялись.

Однажды я увидела высокого парня, смело подошла к нему и спросила:

– Ты дядя Степа-милиционер?

– А как же! – рассмеялся парень и угостил меня шоколадкой.

Очки быстро надоели. На переменах я снимала их и прятала в кармашек фартука. Мне очень хотелось, чтобы все рассмотрели мои большие выразительные зеленые глаза. И их рассмотрели. Мальчики наперебой стали предлагать дружбу, а девочки завидовать. В какое-то время я осталась без подружек, зато мой портфель оказался лакомой добычей у одноклассников.

– Можно, сегодня я понесу его? – клянчил какой-нибудь мальчик, вырывая из моих рук школьную сумку.

– И ведь никто не замечает ее родимого пятна, – удивлялась мама, глядя меня по голове.

– Если не присматриваться, и ты не заметишь, – подходил папа и обнимал меня. А потом звал на улицу.

Родители меня любили, у бабушки я была светом в окошке, соседи приглашали в гости и потчевали конфетами.

Все было хорошо, но однажды...

Это случилось в седьмом классе. Крикливая Наташка Черникова решила меня обидеть.

– Очкарик, – плюнула она в мою сторону. – И как ты мо-

жешь кому-то нравиться со своим уродским пятном?

Я знала, что Черникова любит Сережу Немцова, а он входил в мою группу поддержки. То есть в мою свиту.

Я заплакала. Натке мальчишки наподдавали тумаков, а потом... Это было страшно, но через неделю на обидчицу наехала машина. Осколок разбившегося лобового стекла попал ей в левый глаз, и глаз вытек.

Тогда я впервые задумалась над тем, что не такая как все. Вечером я рассказала про Черникову маме, она обняла меня и заплакала. А потом поведала о словах цыганки.

Новость меня несказанно огорчила. Следующей, поплатившейся за оскорбление, стала незнакомая девчонка. Она подставила мне подножку. Я устояла, а потом с жалостью наблюдала, как из-за вывиха голеностопа девочке вызывали скорую.

И тогда я запретила себе обижаться.

– Мне бы твои способности, – как-то проронила подруга Люда, не побоявшаяся со мной дружить. – Я бы всех обидчиков уничтожила.

У Милки родимого пятна не было, и она не была ведьмой. Зато была очень красивой. Красивее меня. Длинные белокурые волосы, голубые глаза. Казалось бы, куда мне, темной шатенке, до этого чуда, но как ни странно мальчишки не отходили от меня ни на шаг. А Людмила терпела.

К пятнадцати годам бабуля научила меня гадать на картах. Эту науку я освоила поразительно быстро, а Люда с радостью

принялась афишировать мои способности.

Постепенно девочки ко мне подобрали и стали уговаривать приворожить того иди другого мальчику. Я отнекивалась, заявляла, что не умею, но мне не верили.

Помня про свою исключительность, я не обижалась. Тем более, бабушка всегда говорила, чтобы я не связывалась с магией.

– Ты присмотренная, – целовала она меня в щечку. – Тебе не стоит беспокоиться о будущем.

И я плыла по жизни, как по чистому спокойному озеру с теплой водой.

На меня оглядывались, пытались воспроизвести мои действия, но ни у кого ничего не получалось.

– Сними розовые очки, – говорили порою люди, – жизнь суровая, накажет.

И жизнь меня наказала.

Как случилось, что не поступила в институт, я не поняла. Меня, лучшую ученицу класса, завалили на экзаменах. Подавать апелляцию было уже поздно. И я пошла в медицинское училище.

Люда потащила за мной, чему я была рада, так как в заведении обучались языкастые сельские девчонки. Нормой их разговоров являлся крик. Девыцы громко хохотали, а я жалась в углу и с недоумением рассматривала неотесанных выскочек. Однако же одноклассницы оказались незлобивы.

После скандалов они неизменно обнимались, и я успокоилась. К тому же рядом со мною всегда была верная подруга.

Училище я окончила с красным дипломом и почти тут же выскочила замуж. Неожиданно для родителей и подруги. Никогда не думала, что влюблюсь с первого взгляда, но в Виталика невозможно было не влюбиться. Белокурый, нежный, как девочка, с таким мужем, мыслилось мне, я не испытаю в жизни горя.

– Он бабник, – отговаривали меня знакомые.

– Ну и что? – удивлялась я и думала о своих необычайных способностях.

Тогда я впервые в жизни прочла заговор на любовь.

– Ты и меня заговорила, – рассмеялась как-то Люда. – Не могу я без тебя, Вероничка. Прикипела, как к сестре родной.

Замуж она вышла за друга Виталика Андрея. Этого хотела я, а потому захотел и Андрей.

Но свекровь меня невзлюбила.

– Злыдня эта, – выговаривала Клавдия Макаровна своей подруге тете Кате, – околдовала моего сыночка. Оженила. Как вырвать его из рук ведьмы, понятия не имею.

– А я пошлю дочку Валечку к ним, он же любил ее раньше, – предложила тетя Катя.

Этот разговор я прочла по бегающему взгляду бывшей зазнобы Витальки.

Я сидела тогда на диване с бокалом сухого вина и наигран-

ной улыбкой старалась поддержать беседу. Пришелица запинаясь и краснела, Виталик невидяще смотрел мимо гостьи и тоже краснел, а я торжествовала. Все было в моих руках. Если бы я увидела хоть искорку симпатии к самонадеянной девице, я бы стерла ее в порошок.

Когда я стала жестокой, до сих пор не помню. Но борьба за ветреное сердце возлюбленного породила во мне тигрицу, способную ради любви растерзать любую противницу.

Через полгода свекровь уехала в деревню, оставив нам трехкомнатную квартиру, потому что поняла, что соперничать с невесткой ей не по зубам.

Мы остались вдвоем. Потом нас стало трое, а потом и четверо. Первым родился сын Олесь, второй дочка Анжелика.

Я стала хорошей мамой, но начались проблемы с деньгами. В то время я еще не знала, как повелевать финансовыми потоками, которые вольготно в виде эгрегоров гуляют по поверхности планеты.

Тем не менее, мы были счастливы. Дети росли, муж работал старшим инженером в нефтяной организации, а я придумывала необычные рецепты, чтобы вкусно накормить семью.

Кстати, я ни разу не оскорбила мужа и не сказала, что он мало зарабатывает. Иногда Виталик начинал злиться по пустякам, но я шептала заговоры и он остывал.

А как-то я не разглядела его странного поведения, муж влюбился.

Глава 2. Две колдуньи

Озарение произошло во время просмотра по телевизору художественного фильма «Девушка с гитарой». К тому времени я сняла очки, потому что зрение постепенно ко мне вернулось. Разве оно могло не послушаться свою хозяйку?

Была полночь, Виталька гипнотизировал экран, а сам о чем-то думал. Я поднапряглась и увидела в его голубых глазах силуэт женщины с распущенными черными волосами.

– Кто она? – покрываясь мурашками, прошептала я.

Он дернулся, но послушно ответил:

– Ольга Назаренко.

Чувствуя, как перехватило дыхание, я откинулась на спинку кресла и стала хватать ртом воздух квартиры.

Олесь и Анжела видели десятый сон, и я могла вволю наплакаться. Но только не при предателе.

Вспомнив, что мне нельзя обижаться, я взяла себя в руки, а потом произнесла только одно слово:

– Расскажи.

И Виталька рассказал. О том, что Ольга работает вместе с ним, о том, что она развелась, когда встретила его. О том, что у нее есть сын Ромка, и вечером, после работы, они ходят за ним в детский сад.

«Это вместо совещаний, – мысленно подытожила я. – Нельзя впадать в безмятежность, надо быть постоянно на-

стороже».

Ночью муж спал в гостиной, а я тихо рыдала в подушку. Старалась представить соперницу, но не получалось: странно, между мной и Ольгой стояла стена.

Утром, когда муж ушел на службу, я позвонила Назаренко.

– Да..., – прозвучал в трубке мелодичный голос.

Я представилась и попросила о встрече.

– Хорошо, – насмешливо проговорила она. – В обед в кафе «Василиса».

Оставив детей одних, я села в автобус и поехала на встречу с конкуренткой. Надо сказать, что я нанесла великолепный макияж и оделась в самое лучшее, что нашла в шифоньере. Это лучшее было с большой претензией на оригинальность.

Тогда впервые я пожалела, что не работаю.

Кафешка находилась рядом с уютным сквером, в котором поселилась стая крикливых воробьев. В любое другое время я бы остановилась рядом с суматошными птахами, поговорила за жизнь, но сейчас они меня раздражали.

– Спокойно, Ника, спокойно, – уговаривала я себя и еле сдерживала слезы.

Я не хотела Ольге зла, потому что не желала ее гибели.

О, если бы я только знала, что меня ожидает!

За крайним столиком сидела яркая брюнетка с цыганскими глазами, которые рассеянно скользнули по мне. Сначала взгляд был прохладным, потом вспыхнул красным огоньком и стал внимательно меня изучать.

Я остановилась. Впервые в жизни я почувствовала настоящую соперницу. К тому же, Ольга была черной колдуньей, это не вызывало сомнений.

Задрожали колени, я вспомнила о родимом пятне, которое стало с некоторых пор бледнеть, лишая душу поддержки высших сил.

Назаренко гипнотизировала меня, я – ее. Мысль о том, смогу ли я прокормить детей, лишившись мужа, терзала мой незащищенный от агрессии извне головной мозг.

– Хотя бы предполагаешь, с кем связалась? – внезапно спросила Ольга.

– Да, – ответила я, стараясь не отводить взгляда от хищного оскала ее большого рта.

– Я люблю его, – усмехнулась женщина. – Ради него я рассталась с мужем.

– У него есть свои дети, – напряглась я.

– Плевать хотела на твоих детей, – показала острые клыки Назаренко. – А ты красивая, не пропадешь.

– Знаешь, что я тоже колдунья? – осмелела я.

– А как же, – хохотнула любовница Виталика. – К счастью, ты бессильна передо мной, потому что не стала служить ему.

– Кому? – я знала ответ заранее.

– Дьяволу, – сверкнула глазами Ольга.

Развернувшись, я пошла прочь. Не о себе тогда подумала, о детях, которые не должны отвечать за грехи матери.

Дома Олесь сообщил, что приезжал папа, собрал чемодан и уехал, поцеловав их с Анжелой.

Мне стало худо.

– Хочу кушать, – приблизилась ко мне дочка.

Душили слезы, но расплакаться перед детьми я не имела права.

Холодильник был почти пуст, а я впервые в жизни забыла купить продукты, чтобы приготовить обед. Наверху кучкой лежали овощи, на средней полке в кассете шесть яиц, на нижней – початый пакет молока.

Я достала из шкафа муку, сделала клецки. Обжарила лук, отварила картофель и сварила постный супчик. Яйца в виде омлета оставила на вечер. Детям.

Пройдя в гостиную, я открыла дверь мебельной стенки, в которой лежали деньги. Их осталось совсем немного, а еще надо было заплатить за квартиру.

И тогда я позвонила Людмиле.

– Бери сколько угодно! – закричала подруга, выслушав мою просьбу. – Андрей вчера получку принес! Кирюхе хватит, а мы с обновками подождем до лучших времен!

Людмила работала процедурной сестрой в поликлинике, Андрей механиком в сервисном центре, а Кирилл, их единственный сын, ходил в садик.

Я вздохнула и чуть не разрыдалась от радости – в дружбе Милки я не ошиблась.

До вечера я что-то делала, играла с детьми, а когда они уснули, зашла в ванную комнату, закрыла дверь, пустила воду и начала громко выть. Я выла до тех пор, пока слезы не закончились.

Ночью я впервые обратилась к Богородице. Разговаривала с иконой, а она пристально смотрела на меня и, казалось, качала головой. Я явно видела, что она меня жалела. Вспомнилась бабушка. Она была знахаркой от Бога и многое умела, а потому успешно помогала людям. Смогла бы она в такой щекотливой ситуации помочь мне, я не знала. До первых петухов я прокрутилась в кровати, а утром позвонила той, на которую надеялась.

Лилия Васильевна выслушала, заплакала и сказала, что приедет.

– Маме и папе пока ничего не говори, – наказала бабушка. К обеду она была у меня.

Мы обнялись и ушли в спальную. Дети играли. Они были сыты и веселы, так как еще утром я сбегала в магазин за продуктами.

– У тебя родимое пятно совсем побледнело, – вглядываясь в мое лицо, сказала бабуля.

– Да, – подтвердила я.

– Хочешь вернуть Виталия? – бабушка напряглась.

Я кивнула.

Бабуля раскинула карты и побелела.

– Ничего себе, – прошептала она, – возле него пиковая дама и казенный дом. Ты же понимаешь, к чему я? А еще девятка и семерка. Тоже пики. Она колдунья!

– Черная, – заплакала я.

– Возможно, я бы смогла взять на себя этот грех, – обняла меня бабуля, – но в данном случае обычные приворот и рассорка не помогут. Они уже сделаны. Той женщиной.

– А если я обращусь к чертовой дюжине? – осторожно произнесла я. – Помнишь, ты однажды мне про нее рассказывала?

– Ни в коем случае! – замахала руками старая женщина. – Помни про наказание на семь поколений!

А потом, обещав подумать, она уехала.

Олеся и Анжелу я усадила смотреть мультики, сама легла в постель и стала размышлять о том, что буду делать в предстоящем будущем. Устраиваться на работу медсестрой без квалификации и стажа не имело смысла. Не возьмут. Да и зарплата медсестры так мала, что мне, чтобы прокормить детей, пришлось бы работать на три ставки. Взяться за мытье полов в какой-нибудь организации? Только не это! Попросить денег у родителей? Полгода назад они стали болеть и оба враз ушли на инвалидность.

Когда бабуля узнала об этом, сжала губы и сказала только одну фразу:

– Нельзя вмешиваться в судьбы людей, меня покарал Бог. С той поры она перестала принимать отчаявшихся людей.

Вечером бабушка позвонила.

– Попробуй организовать прием больных, – печально произнесла она. – Только лечи их молитвами и заговорами, обращенными к Богу. Не связывайся с колдовством, не повторяй моих ошибок. А также не трогай ауры больных, чтобы не заразиться их болезнями. Научи людей лечить себя.

– Хорошо, – прошептала я. – А мама с папой? Может, я смогу и им помочь?

– Не сможешь, – прохрипела собеседница и заплакала. – Если Господь простит меня, я сама их вылечу.

Дети сладко спали, подложив ладошки под щеки, а я сидела возле их кроваток и вспоминала о бывшей невесте Виталия Вальке. Я отняла у нее любовь и наказана. На чужом горе счастья не построишь.

Глава 3. Начало неизведанной жизни

К утру я упала в постель и крепко уснула, а с солнышком встала с твердой уверенностью, что смогу сделать своих детей счастливыми.

Неожиданно зазвонил звонок, я вздрогнула. А затем с надеждой поспешила к двери. Надежда не оправдалась. На пороге стояла соседка по площадке Мария Ивановна. Ей было за семьдесят, но никто не мог назвать ее старухой. Лучистый взгляд и мягкая улыбка согревали каждого, с ней познакомившегося.

– Вероничка, – соседка засмущалась. – Тебе не нужна помощь?

«Ах, вот в чем дело, – нахмурилась я, – уже все обо мне все знают».

А вслух сказала:

– Спасибо. Нет.

И тут мои глаза остановились на голове старой женщины. Что-то меня взволновало, и я пристально вгляделась в ее ауру. В области левого виска виднелось темное пятно величиной с куриное яйцо, только неровной формы.

– Как вы себя чувствуете? – озадачилась я, гипнотизируя пробоину.

– Вся левая сторона болит, – пожаловалась Мария Ивановна.

– И сердце? – уточнила я.

– И оно, – кивнула соседка. – Ничего страшного, оклемаюсь. А у тебя как?

Она меня жалела, и я это видела.

– Пройдите, – подхватила я бабушку под руку.

А потом усадила на стул, сама же встала сзади.

– Что ты делаешь? – удивилась тетя Маша.

Из детской выглянула Анжелика и, округлив голубые, как у Виталика, глазки, скрылась.

– Сейчас буду вас лечить, – забыв о совете Лилии Васильевны, твердо сказала я и удивилась своей смелости.

А почему бы и нет? Раз высшие силы дали мне экстрасенсорные способности, отчего мне их не использовать?

В ту секунду я решила, что действительно хочу приносить людям пользу.

Я подняла руки над головой старой женщины и прислушалась к ним. Постепенно ладони стало покалывать, словно иголочками. Нестерпимый жар появился в пальцах, и я вздрогнула, будто меня пробило током.

«Рано начала заниматься практикой, – вздохнула я, – но, слово не воробей»

Отойдя на расстояние от пациентки, я вгляделась в ее биополе. Пятно стало светлее и приобрело пепельный оттенок.

– На сегодня хватит, – как ни в чем не бывало улыбну-

лась я.

– Спасибо, милая, – удивленно протянула Мария Ивановна, – голова болеть перестала. Ты меня вылечила.

– Завтра, – заверила я, – вам станет гораздо легче.

– Дай-ко я тебе яблочков принесу, – спохватилась соседка, а через пять минут на кухонном столе красовалась корзина антоновки.

– Ура! – закричал появившийся в проеме двери шестилетний Олесь, а четырехлетняя Анжела вопросительно посмотрела на меня, ожидая разрешения полакомиться ароматным плодом.

Я потерла ладошки и подумала, что положение дел исправляется, голодать мы не будем.

К вечеру прибежала соседка с первого этажа и попросила посмотреть ее на предмет каких-нибудь заболеваний. Я искоса взглянула и мысленно перекрестилась. На бабе Зине красовалось то, что в народе называют порчей.

Порчу я снимать не умела, к тому же, боялась, что перетяну ее на себя. Но отказываться от работы было нельзя, мне необходимы деньги.

– Придите завтра, – ласково проговорила я, а сама подумала, что после ее ухода сразу же позвоню бабуле.

– Хорошо, – согласилась Зинаида Антоновна. – И что же, девонька, скрывала, что экстрасенс?

– Какой экстрасенс? – всплеснула руками я.

– Самый настоящий, – улыбнулась соседка. – Только очень добрый. Мы все уже давно полюбили тебя.

И она положила на холодильник шоколадку.

К сожалению, бабуля по телефону отругала меня за то, что обнадежила испорченную соседку.

– И что я теперь ей скажу? – расстроилась я.

– Хочешь перетянуть порчу? Скажи, чтобы сама себя лечила, – отрезала мамина мама. И рассказала про энергетические кирпичики, которыми следует закладывать пробоины в биополе.

Чувствуя слабость в теле, я все же пошла на кухню и сварила манную кашу. А потом позвала детей ужинать. Но ужинать нам не дали.

Соседка из соседнего подъезда, представившаяся Элеонорой Родионовной, притащила фотографию пропавшего месяц назад внука.

– Не можешь сказать, где он сейчас? Жив ли? – тыча мне в нос снимок, возбужденно проговорила она.

– Подождите немного, – я усадила ее на диван, – покормлю детей и приду.

Наскоро поглотаив кашу, я вышла к неожиданной гостье. Олесь вызвался помыть посуду, а Анжела ее вытереть.

Быстрым движением Элеонора положила на журнальный столик цветное фото, а рядом пятитысячную купюру.

– Уберите деньги, – вяло произнесла я, параллельно соображая, что этой суммы хватило бы оплатить социальные

расходы.

Со снимка пытливо смотрел светловолосый юноша, а от него шла живая энергетика. То есть от него шло тепло. Правда, тепло было слабым, будто мальчик в данное время сильно болел.

Я зажмурилась и погрузилась в транс. Из небытия выплыл небольшой щитовой дом, вероятно, садовый, затем железная койка, застеленная ватным одеялом, и на ней тело. Рядом с телом сидела девушка. Она была чем-то одурманена.

Запахло перегаром. Или нет? Непонятно. Невидимая камера поплыла в сторону, появился стол, а на столе шприцы.

Все встало на свои места.

– Он жив, – очнувшись, сказала я напряженившейся Эленоре. – Но он колется. Он наркоман?

– Да, – вздрогнула соседка. – Где мальчик?

– В саду, – чувствуя сильнейшую слабость, промямлила я. И описала ветхую халупу, в которой находились парень и девушка.

– Где находится этот сад? – закричала клиентка.

– Не знаю, – затряслась я и протянула старухе ее купюру.

Но она ее не взяла. Встав, она поцеловала меня в щеку, а отойдя на шаг, набрала на мобильнике полицию.

Через полчаса приехали стражи порядка и попросили меня нарисовать халупу. Я нарисовала, хотя никогда раньше художеством не занималась.

Дети сидели в уголке и тоскливо смотрели на занятую чу-

жими проблемами мать.

«Потерпите немного, – мысленно обратилась я к ним, – Зато завтра у нас будут деньги, чтобы заплатить за квартиру. А потом я заработаю еще, мы не будем нуждаться назло всем ненадежным папам в мире».

– А можете вы показать это место? – поинтересовался молодой полицейский и расстелил на столе карту республики.

Я обреченно закрыла глаза и начала водить ладонями по атласу. Неожиданно стало жарко. Я убрала руки и прочитала название населенного пункта.

– Абдуллино.

– А если точнее? – с надеждой проговорил страж порядка.

– Точнее, – отрешенно пробормотала я, – садовое товарищество «Дружба».

А высшие силы мне уже показывали номер дома – 125.

– Спасибо! – обрадовался опер и обратился к товарищу, до сих пор молчаливо подпирающему стену. – Поехали.

За ними выбежала заплаканная Элеонора.

Когда они испарились, я поглядела на пятитысячную купюру и подумала о том, что деньги просто так не даются.

Дети спали на ходу. Я уложила их в кровати и пошла в ванную, чтобы принять душ. А там пустила большую струю теплой воды и с полчаса простояла под ней, чтобы прийти в себя.

А потом отключила мобильник, дверной звонок и, обессиленная, рухнула в разобранную кровать. Заснула сразу.

Утром болело все, что только могло болеть. Я подошла к иконе Богородицы и мысленно попросила у нее прощения за то, что вмешалась в их дела. Она смотрела на меня скорбными глазами. А потом уголки губ Богоматери поползли вверх и она ободряюще улыбнулась.

Стало легче. Я прошла на кухню и сварила овсянку, которую дети не любили. Но она была полезной. К тому же, дешевой.

В дверь нетерпеливо заколотили кулаками. Проснулись дети.

На пороге стояла Элеонора с каким-то мужчиной, как оказалось, отцом наркомана. Они держали в руках букет цветов и торт.

Я посторонилась и нехотя уступила им дорогу. Гости прошли в гостиную, положили на журнальный столик подарки и со словами «нашелся наш Павлик, теперь он в безопасности», бросились меня обнимать.

А затем отец Павлика, словно фокусник, выставил на стол бутылку шампанского и толстую пачку с деньгами.

Через пять минут они дружно ретировались. На кухне умывшиеся дети самостоятельно ковырялись ложками в серой размазне.

Я пересчитала купюры. Их было ровно пятьдесят штук тысячами.

– Живем, – заплакала я и обрушилась в кресло.

Перед внутренним взором мелькнуло ухмыляющееся лицо Ольги Назаренко. Я вздрогнула и затрясла головой.

А потом включила мобильник. Он сразу заверещал, неизвестный голос взывал о помощи. За хорошую оплату.

– Пока не могу, – грустно проговорила я. – Надо восстановиться. Вчера был тяжелый день.

– Может, вы запишете меня на прием? – заплакала незнакомка.

– Хорошо, – я села к компьютеру и создала в нем новый файл. Потом подписала его – «журнал приема».

А затем мы с детьми пошли в магазин, чтобы затариться всевозможными вкусностями.

На скамейке находились подъездные бабушки, которые вскочили с насиженных мест и стали благословлять меня на добрые дела.

Я улыбнулась, вдохнула влажный весенний воздух и, взяв Олеся и Анжелику за руки, пошла в другую жизнь, незнакомую, но сладко волнующую.

Глава 4. Страсти накаляются

Возле супермаркета на деревянном ящике сидела дряхлая старушка и просила милостыню. Я вгляделась в понурую фигуру нищенки и увидела на ее фоне длинный коридор, потрепанные обои, а в поле уныния и тоски замкнутого пространства рыжеволосую женщину с всклокоченными волосами. Она что-то кричала и потрясала скалкой.

Тяжело вздохнув, я отдала тысячную купюру Олесю и предложила положить ее в ладони бабушки.

Та подняла удивленный взгляд и часто-часто закивала. Из глаз старушки заструились слезы.

Олесь растерялся, Анжела сморщила носик в надежде расплакаться.

А потом над макушкой нищенки выплыл адрес: улица Бехтерева 21, квартира 18.

«Зачем мне это показали? – удивилась я и крепче прижала к себе ладошки детей. – Ну нет, я туда не пойду».

Купив продуктов, мы пришли домой, приготовили вкусный обед, поели, а потом позвонила бабуля. Она напомнила мне о ритуале по самостоятельному снятию порчи.

– Забыла! – поморщилась я. – Сегодня придет Зинаида Антоновна! А так хотелось отдохнуть!

– Мам, давай поиграем в эрудит, – обнял меня Олесь

Я вздрогнула и подумала о том, что надо подлечить нервы.

Несмотря на малый возраст оба моих ребенка умели читать и писать, а потому мы уселись на ковер и разложили на нем буквы. Поиграть не дали.

Прозвенел дверной звонок, пришла Зинаида. За ней маячил вчерашний полицейский.

– У меня к вам предложение, – опередил пожилую женщину мужчина и с подозрением покосился на Антоновну. Она ретировалась.

– Какое предложение? – удивилась я.

– Идите к нам работать! – мент сиял. Он делал мне одолжение.

– Ну нет, – растерялась я. – У меня дети. Я уж как-нибудь сама. А вы навещайте меня, если что нужно.

О, лучше бы я этих слов не говорила!

– А как же, – разулыбался полицейский и представился, – Александр Ефимович Русланов.

Антоновна притащилась поздним вечером, когда я уютно примостилась возле телевизора.

– Приходите завтра, – попросила я назойливую пациентку. – Устала.

Она раздраженно взглянула на меня и ушла. Обиделась.

Надо было потянуть время, чтобы прийти в себя. Я не занималась колдовской практикой никогда, даже ничего не замечала вокруг – ни порванных аур, ни наркоманов на железных койках, ни рыжих женщин со скалками. Просто жила

как все и была этой жизнью довольна. Но сейчас надо было карабкаться. И пускать в дом испорченных с их злобной энергетикой.

Помолившись, я пошла спать.

А утром обнаружила, что кончился зубной эликсир. Так как во рту, по словам бабули, должно быть как в операционной, я взяла кошелек и вышла на улицу. Возле дома стояла шеренга ларьков. Я решила сэкономить время и купить необходимый товар в одном из них. Возле прилавка примостилась женщина с тяжелым взглядом.

– Пожалуйста, «Лесной», – положила я купюру в ее протянутую ладонь. А только потом взглянула в лицо.

Передо мной стояла та самая рыжая бестия со скалкой из длинного коридора, увиденного мной над головой нищенки. У женщины было плохое настроение.

– Чего даешь? – вспылила она, рассматривая купюру на свет. – Деньга фальшивая!

– Да? – ахнула я. – Простите, пожалуйста.

«Как же так? – лихорадочно заработал мозг. – Я проверяла все банкноты на подлинность»!

– А я щас в милицию позвоню, – на щеках продавщицы появился нездоровый румянец.

– Извините, не знала, – прекрасно понимая, что доказать свою правоту не смогу, прошептала я. – Сейчас достану другие деньги.

– Не извиню! – взвизгнула мегера, засовывая в карман

банкноту.

Слезы брызнули из моих глаз. Захлопнув за собой дверь, я побежала прочь.

Дверь открыл сын. Он, словно взрослый, положил ладонь на мой пылающий лоб и попросил успокоиться.

Но я не могла. А потом меня стало трясти. Преодолевая мандраж, я набрала полную ванну воды, бросила туда морскую соль с бромом и залезла в успокаивающую влагу.

За дверью рыдала Анжела, ее в чем-то убеждал Олесь.

К вечеру Зинаида притащилась вновь.

Я усадила ее на диван и попросила расслабиться. Она закрыла глаза.

– Представьте себе энергетические кубики, – предложила я. – Они светятся мягким голубоватым светом. Представили?

Женщина непонимающе уставилась на меня.

– Вы сами себя лечить будете, – твердо проговорила я.

– А ты для чего? – удивилась Антоновна.

– Я для того, чтобы учить, – холодно произнесла я. –

Итак, мысленно пройдитесь взглядом по своей голове, найдите в ней пробойну и начинайте закладывать ее кирпичиками.

Пациентка оказалась смышленной. А после того, как я сказала, что этот ритуал можно проводить по вечерам дома, она откланялась и спустя неделю пообещала прийти.

К вечеру я решила сходить в супермаркет за молочными продуктами. А когда вышла на улицу, увидела, что возле киосков стоит группа продавщиц. Они что-то горячо обсуждали. Я прислушалась и ахнула. Рыжую бестию по имени Клара разбил паралич. В данное время с моей подачи она лежит в реанимации.

Этого и стоило ожидать. Я знала, что мне нельзя обижаться и старалась не делать этого, но то, что произошло утром, заставило запомнить о зарке.

Надо было спасти умирающую. Допустить, чтобы она погибла из-за меня, я не могла.

И я, позвонив Олеся, помчалась в стационар.

В реанимацию пустили только после того как я, разозлившись, загипнотизировала медсестру и санитарку. Они спокойно сели на стулья и обнявшись, тихо запели о тонкой рябине. Подбежал возмущенный врач, но меня уже понесло. Врач примостился рядом со сладкой парочкой.

В палате лежали три человека: мужчина с инфарктом миокарда пятидесяти лет, парень после операции на сердце и рыжая обидчица. Последняя распласталась, словно овощ на грядке. Я быстро оценила ситуацию. Сначала надо было спасти парня.

Я встала подле него, закрыла глаза и мысленно увидела черную кляксу в области аорты. Нужен был энергетический ластик. Я сотворила его в уме и усилием воли стала сти-

рать это пятно. Через какое-то время бывший умирающий открыл непонимающие глаза.

Тогда я подбежала к мужчине. Он удивленно посмотрел на меня, и еле заметная улыбка тронула его бледные губы.

– Сейчас я и вам помогу, – тоже улыбнулась я.

– Кто ты? – спросил мужчина. – Наверное, ангел.

Но я его уже не слушала.

Рыжая мегера была без сознания. И в ауре ее головы зияла огромная темная дыра.

«Хорошо, что не черная, – забыв о наказе бабули, возликовала я. – Вылечу».

Я сложила ладони, подождала, когда они запыхают, а потом подняла их над башкой обидчицы.

За дверью слышалось нестройное пение, но пациенты на него не реагировали.

Я стояла над хамкой до тех пор, пока не ощутила, как подкашиваются ноги.

Очнувшись, я поглядела на женщину, она дрыхла. Бестолковый мозг ее почти очистился.

– Выздоровеет, – выдохнула я.

– Ангел, спаси и сохрани! – послышалось с соседней койки. Это на меня молился мужчина. А молитва – всегда молитва, пусть даже и не обращена к высшим силам. Она действует на определенные частоты организма, заставляя его возвращаться к жизни.

– Все будет хорошо, – положила я ему руку на лоб и огля-

нулась на парня. – Читайте «Отче наш» утром, днем и вечером по семь раз.

Умиравший спал сном выздоравливающего человека.

В коридоре еще пели. Я махнула рукой, троица очнулась и уставилась на меня мутными пьяными глазами.

А потом вскочила и закричала.

Какие они ставили мне диагнозы, я не слышала. Я уже бежала к входной двери.

Дома посмотрела на себя в зеркало. Родимого пятна возле глаза не стало.

А вечером я получила по телефону нагоняй от бабушки.

– Немедленно начинай поститься, – выговаривала она. – Какое ты имеешь право вмешиваться в дела высших сил? Рыжая негодяйка заслужила смерти!

– Я не смогу жить со спокойной душой, если кто-то из-за меня угодит в ад! – заплакала я.

– А если угодит в ад твой ребенок? – взорвалась бабуля. – Или ребенок твоего ребенка? Помни про семь поколений!

– Высшие силы должны радоваться тому, что кто-то делает добро на земле, – упиралась я.

– А много на этой земле ты видела добра? – тонко закричала бабуля и отключилась.

Я вспомнила об участии своих родителей и разрыдалась.

Несомненно, добро наказуемо.

Всю ночь я простояла на коленях возле иконы Богороди-

цы.

Она внимательно смотрела на меня и улыбалась.

Утром встали дети, я накормила их, а сама к пище не при-
тронулась. Есть хотелось, а надо было голодать три дня. Хо-
тя бы три дня. А потом неделю поститься.

Не знаю, как я вытерпела наказание за самоволие, но спу-
стя десять суток я наварила щей и наелась до отвала.

Деньги пока были, но из-за слабости я не работала весь
срок поста, а потому соседи стали на меня коситься. Журнал
приема перестал пополняться будущими пациентами

И тогда позвонила Милка.

– Что у тебя случилось? – кричала в трубку она. – Мо-
бильник отключен, домашний тоже. За деньгами собиралась
приехать! Ты не хочешь со мной общаться?

– Хочу, – быстро заверила ее я и подумала о родителях.
В пылу авантюрной выходки я совсем о них забыла и пере-
ложила заботу о маме с папой на плечи бабули.

– Я ухожу с работы, – заплакала Милочка. – Выгоняют из-
за того, что ампулу с лекарством перепутала. У больного был
анафилактический шок!

– Как же ты так? – расстроилась я. – И как больной?

– Выходили, – Людмила ревела, словно пятилетний ре-
бенок. – А я поняла, что больше инъекции делать не смогу!

– Приезжай ко мне, – быстро проговорила я, – что-нибудь
придумаем.

– Завтра, после того как подпишу обходной, – подруга еще

всхлипывала.

Я вздохнула, позвонила родителям и пообещала навестить их на неделе.

Глава 5. Икона в гробу

Родителей навестила, а с Милкой договорились о сотрудничестве. Решили арендовать под офис однокомнатную квартиру на первом этаже соседнего дома и начать заниматься экстрасенсорной практикой.

Дали объявление в Авито, в объявлении указали, что снятием порчи и сглаза заниматься не станем. Будем диагностировать ауру и учить приводить ее в порядок. Людмила взялась за записи нуждающихся, уборкой офиса и небольшой опекой над Олесем и Анжелой, все остальное легло на мои плечи. Время приема назначили небольшое – с пяти до восьми часов вечера.

Я ожидала, что пациентов будет немного, но ошиблась. Слава об излечении без медикаментов полетела по городу с ошеломляющей скоростью, а потому пришлось задерживаться после работы. Но этого делать было нельзя, я приползла домой обессиленная.

Посоветовавшись, мы снова стали принимать только три часа.

Тарифа, как такового, не было, люди сами клали на стол деньги. Кто сколько может. И радовались. Что значат пятьсот – тысяча рублей по сравнению с аптечной химией, имеющей массу противопоказаний и платными обследованиями по восемьсот рублей только за прием.

А как-то под вечер, когда Людмила убежала домой, ко мне пришла женщина в темных очках и длинном черном платье. Она уверенно проследовала в рабочую комнату и тяжело обрушилась на диван. А потом сняла платок.

Цыганские глаза прощупали меня насквозь. Несколько минут я с ужасом разглядывала ее, пока не поняла, что ко мне явилась разлучница.

– Вот видишь, ты не пропала, – растянула она в улыбке кровавые губы, – тебе уход мужа пошел на пользу. Хоть помнишь его?

Я устало опустилась на стул и представила лицо Виталия. Видение наотрез отказалось ко мне являться.

«Как он»? – мысленно спросила я и бесстрашно поглядела в два беспросветных омута.

«Прекрасненько», – так же мысленно ответила Назаренко. А вслух сказала:

– Я пришла по другому поводу.

– По какому? – я уже догадывалась.

– Ты лечишь того, на кого я насылаю порчу, – Ольга скривилась, а я поняла, что если она смоет косметику, станет похожа на самую настоящую ведьму из сказок и преданий.

– Я никого не лечу, – холодно проговорила я. – Я учу лечиться.

– Ты должна закрыть свой кабинет, – соперница прищурилась.

Тревожная, убивающая энергетика побежала из ее зрач-

ков.

Надо было срочно ставить защиту, и я, скрестив средний и указательный пальцы на обеих руках, начала читать заговор, которому научила меня бабуля.

Назаренко нахмурилась, а потом встала и направилась к двери.

– Еще не вечер, – оскалилась женщина в черном платье, – я тебя уничтожу. А пока у тебя есть время подумать.

И она удалилась.

Страшно закружилась голова, начали подкашиваться колени. Ноги стали ватными.

«Как там дети? – подумала я и постаралась взять себя в руки. – Лишь бы Назаренко с ними ничего не сотворила».

Олесь бросился ко мне и обнял за талию. С кухни вышла съездившаяся Анжела.

– Мам, я есть хочу, – прошептала она.

Я разулась и прошла на кухню, чтобы разогреть ужин, приготовленный утром.

Людмила не могла полноценно опекать моих ребят, у нее были Андрей и Кирюшка, так что необходимость нанять помощницу по хозяйству назревала с каждым днем.

Но где ее взять? Как найти добрую и порядочную няню для детей? Молодые пенсионерки, которым еще пахать и пахать, сидят на лавочках и жалуются на безденежье, но ни одна из них не согласится у меня поработать.

Я вспомнила родителей и вздрогнула, когда замурлыкал мобильник. Звонила мама.

– Вероничка, – бодро проговорила она, – нам с папой намного легче, так что я могу приезжать к тебе возиться с внуками.

– И с чего это вам стало намного легче? – с подозрением поинтересовалась я.

– Вчера бабуля твоя приходила. Пошептала над нами, руками поводила. Сказала, что бросает помогать чужим. Устала. В кои века обратила внимание на нас, – мамин голосок звенел от радости.

– Приезжай! – закричала я.

И тогда смартфон вырубился.

– Когда-то ты тоже будешь выбирать между посторонними и родственниками, – укоризненно прошептал внутренний голос.

– Что прикажешь делать? Подышать с голоду? – возмутилась я.

– Что сказала? – спросил Олесь, неожиданно оказавшийся рядом.

Мое второе я пристыжено замолчало, а я обняла детей и начала исступленно их целовать.

На следующий день к обеду приехала мама. Я внимательно вгляделась в ее ауру, она была светлой и целой.

Оставив детей на родительницу, я со спокойной душой пошла на работу. В коридоре уже сидел народ, а Людмила шел-

кала мышкой, сверяя данные пациентов.

Красивая, со вкусом одетая женщина средних лет была первой. Она назвалась Ириной Сергеевной.

– Уже третьего мужа похоронила, – шмыгая носом, пожаловалась она. – Вот и болею. Сама скоро на погост отправлюсь.

Биополе прищелицы было темно-серым и порвано в семи местах. Но оно было порвано не людьми.

– К сожалению, вы чем-то провинились перед высшими силами, – занервничала я. – Чем?

Захотелось закричать: колитесь!

Женщина захлопала носом, а я увидела рыдающую процессию, направляющуюся к кладбищу. Там шествие остановилось. Перед ямой на табуретки поставили гроб с мужчиной в дорогом костюме. Люди заволновались, а потом стали подходить к домовине. Яркая дама в элегантном синем платье приблизилась к покойнику и запечатлела поцелуй на его лбу. Над бровями мертвеца проступила сиреневая помада.

Я вздрогнула.

Возле гроба образовался круг желающих попрощаться с усопшим.

Друзья и родственники лобзали его и плакали над мертвым телом, роняя на него горькие, не фальшивые слезы.

А затем к могиле подошел священник. Он положил иконку Божьей Матери на грудь покойнику и запел над ним отпевающие молитвы.

Когда закончил, подбежали шустрые рабочие похоронной фирмы, закрыли новопредставившегося крышкой и вместе с иконой опустили в недра земли.

Неожиданно затошнило, я встала и бросилась в туалет. А когда освободила желудок, вернулась к недоумевающей пациентке.

– Спокойно, – произнесла я, стараясь не показать ей своей паники, – вы всех мужей так хоронили?

– Как? – оторопела она.

– С иконами на груди, – тошнота снова подступила к горлу.

– Всех, – растерялась Ирина Сергеевна. – Спасибо батюшке, подсказал, как надо...

Она ничего не понимала.

– Спасибо батюшке, – передразнила женщину я. – Благодаря ему умерли ваши супруги.

Дама округлила глаза.

– Разве можно икону, на которую мы молимся, класть в гроб, ведь ее светлый лик сгниет вместе с телом! Вам бы понравилось, если бы ваш портрет положили в домовину? – наконец, я взяла себя в руки. – А эта женщина в синем платье когда преставилась?

– Откуда вы знаете? – побледнела пациентка. – Елена Юрьевна, его секретарша, погибла в автокатастрофе спустя месяц после смерти шефа.

– Что и требовалось доказать, – вздохнула я. – Помада,

слюни, сопли на теле покойника отправляются с ним в царство мертвых. То есть энергетика живых людей смешивается с энергетикой мертвеца. И тут уж кто победит.

– Я умру? – заплакала женщина.

– Нет, вы не умрете, если сможете сами себя вылечить и больше не повторять ошибок, – менторским тоном заявила я и начала обучение восстановлению ауры.

Зазвонил мобильник, но я его уже не слышала.

Глава 6. Порченная

Жизнь протекала по намеченному плану, соперница моя, теперь соперница и по бизнесу, не показывалась, а пациенты приходили с неотягощенными анамнезами. Елена Юрьевна из поля зрения исчезла, но при воспоминании о ней меня охватывало ощущение тревоги. И я не ошиблась.

В среду она появилась – постаревшая лет на десять и похудевшая на столько же.

Когда села на стул, я увидела в ее ауре огромную дыру.

– Что произошло? – преувеличенно спокойно спросила я.

– Меня проклинали, – залилась слезами пациентка.

Я вопросительно взглянула на нее.

– Мать последнего мужа. Она умерла вчера вечером, – женщина уже рыдала.

«От несчастной можно подцепить отрицательный энергетический вирус», – поморщилась я и скрестила под столом пальцы на левой руке.

А вслух приказала рассказывать дальше.

– Анна Семеновна позвала меня проститься, так как у нее произошел инфаркт, – затряслась от воспоминаний Елена Юрьевна. – А когда я приехала, она проклинала меня перед тем, как испустить дух. Будто специально ждала.

Дело было пренеприятным, я не знала, как помочь пациентке, но у меня была всезнающая бабушка.

– На ночь латайте ауру и семь раз читайте «Отче наш», – мягко проговорила я, – а завтра непременно приходите.

Пока я кормила детей, история вдовы не давала покоя. Аппетита у самой не было.

– Поиграем в «эрудит», – подошел ко мне сзади Олесь, но я уже набирала номер телефона бабули.

Она выслушала меня, немного попилила по своей стариковской привычке поучать, а потом велела взять ручку и записывать.

Анжела притащила карандаш и листок, и я приготовилась внимать учителю.

– Послезавтра пятница, последний день месяца, – открыла страшную тайну бабуля, – пусть идет в церковь, купит семь свечей, три сожжет у иконы Богородицы, прося у нее милосердия, а четыре поставит перед Спасителем и, пока свечи горят, произносит такие слова....

Бабушка замялась.

– Готова? – минуя паузу, поинтересовалась старая ведунья. – Итак: «Господи, сожги огнем духа святого слова проклятия рабы (имя). Во имя Отца и Сына и Святого духа. Аминь».

Ей повезло, только в последнюю пятницу месяца можно проводить этот ритуал. Но почему у больной такая рваная аура? Говоришь, похудела килограммов на десять? Пусть проверит свой фотоальбом, не пропала ли какая фотогра-

фия.

– А если пропала? – озадачилась я.

– Тогда снова звони.

И бабуля попросила поцеловать правнуков.

Мы сели играть в «эрудит», но слова старой ведуньи не выходили у меня из головы.

А утром я помчалась на работу с большим желанием помочь Елене Юрьевне.

Она сидела в очереди первой. Я рассказала ей про ритуал в церкви, и Елена как-будто обрадовалась.

Сил благодарить у нее не было, только пятитысячная купюра перекочевала на мой стол.

– Сегодня же проверьте все фотоальбомы, – отодвигая банкноту, приказала я. – После церкви зайдете ко мне и скажете, если фото пропало. А деньги за не сделанную работу не беру.

Она встала и поковыляла к входной двери, а я заметила, что ноги у несчастной подкашиваются.

– Будьте осторожнее! – успела крикнуть я, прежде чем женщина скрылась.

– И что не взяла деньги? – удивилась Людмила, отодвигая ноутбук. – Я хотела сегодня подарок Кирюшке купить. У него день рождения в субботу.

В субботу мы не работали, а потому могли пойти к Михайловым. Втроем. Михайлова – это моя дорогая Милка.

– Купишь подарок, – улыбнулась я и позвала на прием

следующего пациента.

Вечером я снова советовалась с бабулей. А когда она рассказала про ритуал освобождения от мертвой энергетики захороненного фото, я поняла, что Елена сама с ним не справится.

В пятницу позвонила Елена Юрьевна и сообщила, что пропало ее любимое фото, сделанное несколько месяцев назад. На нем она была здоровой и красивой.

– Видимо, золовка стащила, – резюмировала смертница.

– Были сегодня в церкви? – встревожилась я.

– Все сделала, что сказали, – ответила женщина. – Сразу почувствовала себя лучше. Но подташнивает.

– Едем завтра на Южное кладбище, – объявила я. – Встречаемся в двенадцать часов около ворот.

– Зачем? – ахнула Елена.

– Будем снимать с вас порчу, – устало произнесла я и с сожалением подумала о том, что с днем рождения Кирюшки мне придется распрощаться. Обидится Милка, расстроятся дети. Но на кону стоит жизнь человека.

– Приезжайте после кладбища, – проворчала подруга, – не весь же день ты там будешь!

– Хочешь, чтобы я притащила оттуда мертвую энергетику в самый незащищенный день твоего ребенка? – поинтересовалась я.

– Как? – Мила ничего не поняла.

– Знаешь, что люди чаще всего умирают именно за месяц

до и ли за месяц после дня рождения? – вздохнула я и отключилась.

На душе было муторно.

В субботу я по телефону поздравила Кирюшу и сказала, что отправлю детей к ним с бабушкой, а сама побежала на остановку автобуса.

К двенадцати я была у ворот погоста, а там меня уже поджидала Елена. Я внимательно взгляделась в нее, на лице женщины алел легкий румянец.

«Уже хорошо», – улыбнулась я.

На кладбище было тихо и спокойно. Слишком спокойно и слишком тихо. Я не любила этого настороженного безмолвия, когда кажется, что с памятников за тобой подглядывает целая орава покойников.

Я раскрыла целлофановый мешочек и набрала по горсти земли с семи могил.

– Зачем вы это делаете? – поразилась Елена Юрьевна.

Я прижала палец к губам, и она успокоилась.

Памятники были сплошь мраморными, а нам предстояло найти деревянный крест с именем Елена, то есть с тезкой моей подопечной.

– Идите вправо, там старые захоронения и много крестов, – ответила на мой вопрос пожилая женщина с ведерком в руке.

И мы пошли. Я видела, как отрешенно плетется за мной

пациентка, слышала, как она тяжело дышит и молила Господа, чтобы нам повезло.

Нам повезло, Елена нашлась. Фотография давно стерлась, но фотография нам была не нужна.

Я потрясла мешок, смешивая землю, и вывалила половину содержимого за крест. Вторую половину положила перед крестом.

Церковные свечи в моем офисе были всегда, а потому я вынула их из сумочки, вставила в холмики земли и зажгла. На крест я положила белое вафельное полотенце, выпрошенное у Марии Ивановны.

А потом, приказав порченной молчать, стала читать заговор. (см. книги Натальи Ивановны Степановой «Заговоры сибирской целительницы»).

Так я читала до тех пор, пока свечи не сгорели.

А когда повернулась к пациентке, то увидела, как вспыхнул румянец на ее щеках. Глаза женщины с надеждой смотрели на меня.

– Будете жить, – улыбнулась я и обняла ее за плечи. – Утром, днем и вечером читайте «Отче наш», почистите квартиру.

– Как почистить? – вскинула бровки Елена Юрьевна. – Я не смогу! Может, вы приедете ко мне, я все оплачу.

– В воскресенье колдовать нельзя, а сейчас я слишком устала, – покачала головой я. – Давайте до приема в понедельник. Для ритуала купите церковные свечи....если ма-

ленькие, то штук десять.

А сама подумала о том, что послезавтра маме придется взять на себя внуков на целый день.

Приехав домой, я залезла под душ и долго стояла под ним, наслаждаясь потоками живительной влаги, которая уносила в канализацию смертельную энергетику.

Глава 7. Поиграли

В воскресенье я весь день отдыхала. Никогда не думала, что можно назвать отдыхом торчание на кухне. Но со мной находились дети, и они были живы-здоровы.

Я радовалась тому, что помогла несчастной трижды вдове, хотя получила нагоняй от бабули. Она пригрозила приехать по мою душу вечером с ночевкой.

Улучив минуту, я позвонила бывшей больной, а когда услышала веселый голос Елены Юрьевны, вздохнула с облегчением.

Мир показался добрым и ласковым, я не вспоминала о Виталии и его ведьме-сожительнице, не думала, что завтра предстоит неприятная работа в чужой квартире.

А вечером мы с детьми смотрели их любимый фильм «Бетховен».

Когда я легла спать, неожиданно захотелось себя пожалеть. Еще бы, одна в таком молодом возрасте. Пашу как папа Карло, кручусь, постоянно рискую. А что если так будет всю оставшуюся жизнь? Смогу ли я выйти замуж за какого-нибудь пациента с его рваной аурой? Вряд ли. Мужчина должен быть уверенным в себе, чтобы на него опереться, а я вижу нездоровые внутренности потенциальных кавалеров.

Хорошо, если это только больные внутренние органы, а не бездушные и безмерное желание потреблять материаль-

ные блага. У таких субъектов унылая серая аура. А в глазах деньги. Ну не деньги, конечно, а алчный, юркий красный огонек.

Проснулась я неожиданно для себя. Обычно нежусь в постели, пока не встанут дети, а тут вскочила чуть свет и побежала на кухню готовить завтрак. После того как нажарила блинов, встали дети.

– Доброе утро! – улыбнулась я и вспомнила, что нужно срочно покидать самых любимых на свете людей.

Любила ли я сейчас Виталия? Не знаю. После того, как он ушел, бабуля прочитала заговор на остуду, возможно, этот заговор и поддержал меня в трудный момент.

Смогу ли я простить неверного мужа, если придет? Неприятно заныло под ложечкой, когда я вспомнила, что его так называемая гражданская жена – черная ведьма. Не придет. Дети останутся без отца, а Назаренко, став Тумановой, нарожает Виталику черных душой отпрысков. Я же получу развод и вернусь к своей девичьей фамилии – Елисеева.

Елисеева так Елисеева! Я широко улыбнулась и налила детям чаю.

К одиннадцати я была у Елены. Она встретила меня как близкую и любимую родственницу.

Походив по трем комнатам элитного дома, я еще раз убедилась, что люди, не разбирающиеся в магии, совершенно

беспомощны в материальной жизни.

На журнальном столике в хрустальной вазе торчал сухой камыш, на стене повисли картины с зимними и осенними пейзажами, а над кроватью на мир уныло взидала старая черно-белая фотография мужчины и женщины. Я вгляделась в нее, от портрета веяло смертью.

А самое страшное поджидало на кухне. Репродукция «Мона Лиза» хищно скалилась, наблюдая за столом, где люди принимали пищу.

– Вы хоть знаете, что эта мадам с мужскими глазами убивает хозяев квартиры? – не выдержав, закричала я, – она включена в список десяти самых смертоносных картин!

Елена Юрьевна вздрогнула.

Но я не могла больше сдерживаться:

– Фото мертвецов над кроватью сосет из вас жизненные силы, сухой камыш и картины с умирающей природой делают то же самое! Немедленно уберите их!

– Куда? – женщина покрылась пятнами.

– Фото в комод, остальное на свалку.

– И «Джоконду» тоже? – икнула Елена.

– И ее туда же! – негодовала я.

– Хорошо, – пациентка бросилась выполнять мои указания, а я зажгла свечу и круговыми движениями стала обводить ею углы комнат, кухни, коридора и санузла, читая над каждым углом по три раза «Отче наш».

– Горим? – прибежала из спальни с портретом в руках

хозяйка дома.

В воздухе летали черные ошметки черной энергии. Бабуля говорила, что это сжигаются нечистые силы, но я по неопытности в это не верила.

А ведь я рисковала. Как всегда.

Отодвинув диван, я увидела за ним толстый слой пыли. За креслом меня ожидало подобное.

– Елена Юрьевна, – отвлеклась я от работы, – подойдите сюда!

Она появилась с репродукцией в руках.

– Сор от слова ссора, понимаете меня? Вы часто ссорились с мужем?

Женщина кивнула, перевела взгляд на пыль и все поняла.

– Вот и хорошо, – улыбнулась я. – С сегодняшнего дня будете выздоравливать.

Думала, что прием пройдет спокойно, покажу, как латать ауры, поставлю диагнозы и пойду домой. Но не тут-то было. Когда все пациенты разошлись, в комнату ворвался мужчина лет сорока.

– Мы не работаем, – преградила ему дорогу Мила.

– У меня дело, не терпящее отлагательства! – мужчина нервничал. – Я Игорь Борисович Веретенников.

– Садитесь, – устало произнесла я и позвонила маме, что-

бы она задержалась. – Что случилось?

А сама уже видела, как попадает под колеса темно-синего «Пежо» восьмилетняя девочка.

Ясновидение развивалось во мне семимильными шагами видимо потому, что я переступила запретную для человека черту.

– Надя моя погибла, – заплакал Игорь Борисович.

Я впервые в жизни оторопело наблюдала, как плачет мужчина.

– А теперь пятилетняя Оля тяжело заболела. Врачи правильного диагноза поставить не могут, плечами пожимают, а старая соседка говорит, что дочка не выживет. Помогите, никаких денег не пожалею!

– Вы на машине? – вздохнула я и подумала о том, что мне срочно нужна помощь бабушки.

Наказав Милке прибраться в офисе, я села с Веретенниковым в фольксваген и помчалась в сторону больницы.

Доехали быстро. Как ни странно, несмотря на позднее время нас пропустили к девочке.

– Брат – заведующий отделением, – объяснил ситуацию Игорь.

Малышка лежала в отдельной палате, возле нее сидела де-вушка.

Над девочкой летала дымка смерти.

– Мама Оленьки, Алла, – подала руку молодая женщина и уступила мне стул.

– Рассказывайте все по порядку, – приказала я.

– С нами живет моя бабушка, – начала сквозь слезы Алла. – У нее на шифоньере лежит так называемое «смертное». Ну, вы меня понимаете, – приготовленное на смерть. Когда никого в квартире не было, Наденька стащила чемодан с этими ненавистными тряпками и предложила Оленьке поиграть в покойников. Надели они на себя кто что захотел и легли на кровать. Когда я пришла с работы, они так и лежали. Отругала их, конечно, сняли они все, затолкала я «смертное» назад...

– Понятно, – мне стало нехорошо.

– А неделю назад Наденьку сбил пьяный водитель, когда она с бабушкой шла из школы. Причем, странно сбил. Наденька вырвалась из рук и рванулась под колеса. После похорон старшенькой внезапно заболела младшая. У нее поднялась высокая температура, стало рвать. Вот, лежим под капельницей, – молодая женщина зарыдала.

– У вас в доме есть животные? – поинтересовалась я и отодвинулась от несчастной матери.

Горе заразно.

– Кошка Феня, – вставил свое слово Игорь.

– Вы ее удаляли из квартиры во время похорон? – заранее зная ответ, осведомилась я.

– Нет, – удивился Веретенников.

– И она сидела под гробом, – вздохнула я.

– Откуда вы знаете? – удивилась Алла и взглянула на му-

жа.

– А полы после того как вынесли гроб, кто мыл? – спросила я, но тут над головой несчастной появилась картинка с пожилой женщиной с шваброй в руках.

– Мама, – пожал плечами Олин отец.

– Родной человек не должен убираться после выноса тела, – огорчилась я. – А животных нужно изолировать от отрицательной энергетики. Теперь надо лечить еще и вашу Феню. Но я не лечу никого!

– Пожалуйста, помогите, – рухнула на колени Алла. – Все, что у нас есть, отдадим, только верните дочь!

– Она проживет еще три дня, – холодно произнесла я, хотя все во мне рыдало горькими слезами. – А я должна подумать. Завтра приезжайте за мной в офис к двенадцати дня.

Надо было срочно проконсультироваться у бабули, как помочь попавшим в беду людям, не притягивая к себе мертвую энергетику.

Глава 8. Любящая кошка

Бабуля приехала к десяти вечера, когда я уже уложила детей спать.

– И ты согласилась лечить девочку? – сдвинув брови к переносице, сурово спросила она.

– Я ничего им не обещала, – всхлипнула я. – А ведь это последний ребенок Веретенниковых – старшенькая погибла под колесами автомобиля!

– Мне тоже их жалко, – покачала головой бабуля. – Говоришь, девочке осталось жить три дня? Успеем.

Я обняла старую женщину и поцеловала в щеку.

Я знала, что мамина мама только притворяется сухой и сердитой, а на самом деле очень добрая. Ведьмам нельзя принимать близко к сердцу горе больных, иначе они быстро утратят свою силу. Если вы увидите, что экстрасенс вас жалует, это скорее всего шарлатан.

Попив травяного чаю, мы улеглись спать на одну кровать, чего я категорически никому не советую делать, так как старики, словно вампиры, обычно отсасывают энергию более молодых и здоровых. Но бабуля сама могла подзарядить кого угодно, а потому я обняла ее, а она погладила меня, как маленькую, по голове.

– Хочешь, я поведаю, почему умер Василий Макарович Шукшин? – спросила она, заранее зная мой ответ.

– Конечно, – я уютно устроилась в постели, предвкушая ее рассказ.

– В фильме «Калина красная» он убедительно сыграл роль умершего человека. Миллионы людей плакали, потому что он всех убедил своей игрой. Спустя совсем немного времени он преставился. А Нонна Мордюкова... помнишь, как в фильме «Русское поле» она плакала над гробом сына?

Я не помнила, но кивнула.

– Она потеряла своего единственного ребенка на самом деле. Какой Владимир Тихонов красивый был! – бабушка цокнула языком. – Еще пример: Виктор Цой «умер» в фильме «Игла» от удара ножом, а затем гибель нашла его на обочине пустынного шоссе. И таких случаев немало. Нельзя играть в смерть.

– Но я знаю многих актеров, которые не преставились после таких ролей, – мне стало не по себе.

– У всех разная энергетика и если она слабая, то конец неизбежен. У детей она слабая, поэтому Надя погибла.

– Почему она бросилась под колеса автомобиля? – я вернулась к тому, что меня ввело в заблуждение.

– Неизбежность толкнула ее к этому, – вздохнула бабушка. – Знаю женщину, Царствие ей Небесное, которая преставилась из-за того, что подарила своей сестре надетую рубашку, а та нарядила в нее почившую свекровь. Живая энергия встретила с мертвой, и мертвая победила. Кстати, после посещения кладбища и проведения ритуала ты

подцепила на себя сатанинскую заразу. Завтра будем лечить-ся.

– Завтра мне надо ехать в больницу к Оле, – вздохнула я. – иначе скоро луна расти начнет.

– Хорошо, полечимся послезавтра. И что ты будешь делать, когда приедешь к умирающей девочке? – я почувствовала, что бабуля улыбается.

– Ты меня научишь, что делать, – в ответ улыбнулась я. – А потом будем смывать все грехи зараз. Семь бед – один ответ.

– Внучка из меня веревки вьет, – незлобно проворчала мамина мама. – Слушай. Молитва эта очень древняя и очень сильная. Она была известна еще бродячим актерам.

К двенадцати часам за мной заехал Игорь, и мы помчались в больницу.

Алла встретила нас слезами.

– Умирает моя девочка, – прошептала она. Глаза ее смотрели сквозь меня.

– Уходите оба, – приказала я, – Лицедеев лечить тяжело, даром их хоронили за оградой кладбища»

А когда дверь за ними закрылась, подняла руки над головой Оли: «Владыко, Вседержителю, святой Царю, наказуй и не умерщвляй, утверждаяй низпадающих и возво-

дяди низверженные, телесные человек скорби исправляяй, молимся Тебе, Боже наш, рабу Твою Ольгу немоществующа посети милостию Твоею, прости ей всякое согрешение вольное и невольное. Ей, Господи, врачебную Твою силу с небесе низпосли, прикоснися телеси, угаси огневицу, укроти страсть и всякую немощь таящуюся, буди врач рабы Твоей Ольги, воздвигни ее от одра болезненного и от ложа озлобления цела и всесовершенна, даруй ее Церкви Твоей благоугождающая и творяща волю Твою. Твое бо есть, еже миловати и спасати ны, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

– Вы упоминали каких то лицедеев, – выглянул из двери ничего не понимающий Веретенников.

– Так ваши девочки и были лицедеями, когда играли роль покойников, – нахмурилась я. – Нельзя подслушивать, когда маг работает.

– Простите нас, – ввалилась в палату Алла.

– Семь дней надо читать этот заговор, – грубо оборвала ее я. – Приезжайте за мной к десяти утра. Девочка будет жить.

– Спасибо, – упала мне в ноги молодая женщина. – В случае выздоровления дочки мы все-все вам отдадим, как обещали.

– Все мне не надо, заплатите, сколько можете оторвать от себя без ущерба для семьи. И ни на рубль больше, иначе отнимете у меня мой дар. Вы хотите этого?

Я хитрила, но чужого горя я не хотела, потому что оно

могло стать моим.

И вдруг мы услышали слабый голосок умирающей. Она открыла глаза.

На следующий день Оле полегчало, она стала улыбаться. А когда я приехала после сеанса домой, бабуля насильно усадила меня на стул, чтобы начать ритуал лечения. После него, расслабленная, я позвонила Милке и попросила сообщить больным, что экстрасенс сегодня не приедет. Срочное дело. И раскидать их по следующим приемам.

– Так возмущаться же будут! – растерялась подруга.

– Злых не лечу, – отрезала я, – а добрые поймут. Я тоже человек.

– Какая ты категоричная стала, – улыбнулась подошедшая незаметно бабуля. – И правильно, по- другому скоро выдохнешься.

– Если хочешь, квартиру, где родственница вымыла полы после выноса гроба, я могу взять на себя, а также неразумное животное, лежавшее под домовиной, – предложила мамина мама.

Я не хотела, я решила овладеть бабулиными знаниями. А потому, подумав, отменила еще один прием, чем несказанно расстроила прагматичную Милку.

На следующий день после больницы меня отвезли в элитное жилище Веретенниковых.

Красиво обставленная четырехкомнатная квартира встретила меня настороженно. А когда я достала свечи, ощутила неприязнь, исходящую из углов. Как сказала бы бабушка, это бесы почувствовали погибель.

Из кухни не спеша вышла черно-белая кошка. Увидев меня, она выгнула спину и зашипела.

– Уймись, Феня, – бросилась к ней Алла, схватила на руки животное и выбежала в коридор.

Игорь последовал за женой.

Я зажгла свечу и, начиная обход дома, стала читать заговор: " Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Один умер, другой родился. Одного отпели, а другой укоренился. Благослови, Господи, спаси, сохрани и защити своих рабов (я назвала имена Веретенниковых) от смерти ранней, от беды и неудачи. Горе, несчастье, покинь рабов Божиих (снова имена). Во имя Отца и Сына и Святого Духа»!

Темные тени заметались в душном замкнутом пространстве, стало не по себе. Я вспомнила бабулю с ее предложением выполнить эту неприятную работу за меня и пожалела, что не согласилась. Через полчаса мое испытание на бесстрашие подошло к концу.

Устало опустившись на диван, я услышала крик из коридора. Выйти, посмотреть, что случилось, сил не было.

Прозвучал топот ног, затем все стихло.

Я потянулась и зевнула. Глаза слипались. От недостатка энергии, сказала бы бабуля.

– Феня разбилась, – влетела в квартиру заплаканная Алла с мертвой животинкой в руках. – Странно, ведь кошки всегда приземляются на лапы!

– Выпрыгнула из коридорного окна, – я уже все знала и понимала. – Ее убили сущности, поселившиеся в теле. А еще она не захотела приносить вам страдания и пожертвовала своей жизнью ради спасения Оли.

– Беднаяаааа, – зарыдала хозяйка дома.

– Купите свечи в церкви, – бросила я подоспевшему Игорю, – и каждый день, зажигая их, обходите квартиру, читая по три раза в каждом углу «Отче наш». Это надо делать пока не сядет солнце.

– Сколько нам проводить этот ритуал? – внезапно перестала рыдать молодая женщина.

– Неделю, – улыбнулась я.

Поднявшись, я вызвала такси.

Больше мне в этом доме делать было нечего.

Глава 9. Союзницы

Оля выздоровела, Веретенниковы заплатили мне полмиллиона. Сколько я не отказывалась, они настояли на том, чтобы спасительница их дочери деньги взяла. Я поделилась с ликующей Милкой и родителями. Бабуля от щедрот моих отказалась, сказав, что жертвует свою долю правнукам.

А на следующий день после окончания лечения Оли ко мне заявила странная особа с черной дырой в ауре. Женщина средних лет, наверное, красивая, но почему-то неприятная мне, уселась, положив ногу на ногу.

– Поставьте колени параллельно, – распорядилась я, – и говорите, что случилось.

– Карина Валерьевна Короткова, – представилась особа, – на меня наслали смертельную порчу.

Я внимательнее взгляделась в ее биополе. Дама сказала правду.

– Не снимаю смертельной порчи, – покачала головой я. – Кто вас сурочил?

– Как? – ахнула женщина. – Я умираю!

– Кто вас сурочил? – повторила я.

– Черная колдунья госпожа Ольга, – зарыдала женщина. – Мне соперница сказала, что ходила к ней.

– Остановимся на сопернице, – холодно произнесла я.

Пациентку было не жалко. Почему?

– Мы любим друг друга! – продолжала рыдать Карина.

– Кто «мы»? – у меня перед глазами уже летали яркие цветные картинки.

Благообразная женщина по имени Екатерина со скорбными глазами сидит перед Ольгой Назаренко и просит ее спасти семью. У женщины трое детей, а муж загулял и решил с ней развестись.

Он загулял с Коротковой. Той самой, которая сейчас ревет в моем кабинете.

– Я не смогу прокормить ребят, – плачет несчастная и утирает глаза носовым платочком.

Ольга щурится и раскладывает карты Таро.

– Нельзя обездоливать детей, – нахмурилась я.

– У них есть мать! – взвизгнула дама.

– Уходите, – глухо произнесла я, а сама подумала, что даже если и смогла, не стала бы помогать разлучнице.

– Нет! – заорала посетительница. – Не уйду! Вы должны помочь мне! Предлагаю любые деньги!

– Я никому ничего не должна, – голос мой задрожал от возмущения. – И деньги мне ваши не нужны. Вы воровка, мадам, так как обокрали семью.

В комнату забежала Людмилка и с изумлением уставилась на хлюпающую носом пациентку.

– Помогите! – упала на колени Короткова, но я встала и ушла на кухню. В коридоре роптали люди, которые пришли ко мне со своей болью.

Закрыв дверь, налила себе кофе и задумалась. Сделала ли бы я, если была черной ведьмой, подобное?

Отхлебнув глоток горячего напитка, подошла к окну. Возле подъезда толпился народ. Он толпился по мою душу.

– Она удалилась, – заглянула на кухню Милка. – Надо срочно арендовать офис с охраной в ближайшем бизнес-центре, иначе тебя раздерут на кусочки.

– А как бы ты отнеслась к просьбе Коротковой? – перебила подругу я.

– Жалко ее, – вздохнула Людмила.

– А жену с тремя детьми, оставшуюся без мужа?

Мила задумалась.

– А вот этой женщине я бы с удовольствием помогла, – скорая мысль прожгла меня насквозь, – где она живет, интересно?

– Короткова стоит в подъезде и ревет, она, скорее всего, знает адрес, – осветилась улыбкой Милочка. Она умела освещаться улыбками, показывая ровные, ослепительной белизны, зубы.

– Спроси у нее место жительства брошенной жены, – проронила я. – И скажи, пока не откажется от того, что ей не принадлежит, проблемы не кончатся.

– А если откажется? – с надеждой поинтересовалась подруга.

– Там посмотрим, – ответила я, – посоветуюсь с Лилией Васильевной.

Я впервые назвала бабулю по имени-отчеству.

На следующее утро мы с Людочкой выехали по указанному адресу. Дверь открыла бледная сорокалетняя женщина.

– Помощь на дому, – сострила Милка, отстраняя хозяйку квартиры, безвольно отступившую назад.

– Итак, вы благодаря госпоже Ольге наслали смертную порчу на разлучницу, – усаживаясь в кресло, утвердительно произнесла я.

А сама подумала, что мне везет с элитными домами. Уже третий раз оказываюсь в гостях у богатеньких, которые, как и простые люди, тоже плачут.

– Мы скоро съедем отсюда, – вздрогнула дама и представилась, – Екатерина.

– Почему? – влезла Милка.

– Муж квартиру разменивает на две двушки. Так настояла его пассия. А вы кто? – красные пятна обозначились на лице несчастной.

– Экстрасенс, у которого вчера была Карина Короткова, – произнесла я.

Женщина отшатнулась.

– Не бойтесь, – успокоила Катю торжествующая Людмила. – Госпожа Вероника вам поможет. А вот эту мразь она выгнала из кабинета.

– Поможет уйти на тот свет? – с горечью усмехнулась хозяйка дома.

– Вернуть мужа! – вспыхнула подруга.

А я пожалела, что взяла Милку с собой. Да и какая я госпожа? Хотя в магическом мире заведено так называть ведьм.

Катерина заметно ожила.

– Вы обратились за помощью к черной ведьме, а это грех, – для вида нахмурилась я. – Если кто снимет с Коротковой порчу, она рикошетом вернется к вам и поразит вас насмерть. Но я вас понимаю, у вас дети.

Еще бы не понимать, сама нахожусь в подобной шкуре! Только мне намного тяжелее: моя разлучница – черная ведьма, тягаться с которой я никогда не стану.

Женщина молчала, но я чувствовала, как тесно мыслям в ее голове.

– Впрочем, хотите ли вы помощи? – мягко поинтересовалась я.

– Хочу, – выдохнула Катерина.

– В таком случае, сначала прочитайте заговор на разлад. Возьмите бумагу и карандаш, чтобы записать.

Несчастливая кинулась к компу, включила его и приготовилась печатать.

С каким удовольствием я надиктовывала ей текст рассорки, думая о ненавистной Назаренко!

– Разлад делайте на убывающей луне. А на нарастающей положите фото мужа под правую голую пятку и прочтите это. После чего портрет уберите в надежное место, чтобы его ни-

кто не видел. Чем дольше он пробудет там, тем лучше.

Изящные руки женщины легко летали над клавиатурой.

– А еще есть приворот на утреннюю и вечернюю зарю. Их вы будете произносить после ритуала на фото.

Я надиктовала и эти заговоры.

Напечатав, Катерина подняла на меня глаза, в них читалась надежда.

А вечером позвонила Назаренко.

– Ты стала моей союзницей? – хрипло рассмеялась она. – Хочешь, я за это верну тебе мужа?

– Надоел? – обмерла я.

– У меня другой появился, – Ольга вздохнула. – Такова селяви. А ты молодец, не стала лезть в бутылку. Награждаю тебя за терпение.

– Чем? – я прислушивалась к своим ощущениям и не понимала себя.

– Не чем, а кем, – хихикнула черная колдунья. – Виталий твой – тряпка. Делай отсушку и забирай.

Хотела ли вернуть назад супруга, я не знала. Но вспомнила о детях.

– Не хочешь? – удивилась Назаренко. – Так я его живо пристрою к какой-нибудь вдовушке.

Я снова подумала об Олесе и Анжеле, вспомнила о нашей с Виталием первой встрече и тяжело села в кресло.

Краем глаза увидела, как подбежал обеспокоенный сын. За ним прискакала на скакалке дочка.

– Рассорку делай сама, – устало проговорила я, – у тебя лучше получится.

– Договорились, – хмыкнула Ольга и отсоединилась.

Обняв детей, я заплакала.

– Что с тобой, мам? – обеспокоился Олесь, а Анжела захлопала носом.

– Хотите, чтобы папа вернулся? – сквозь слезы проговорила я.

– Хотим! – закричала детвора дуэтом.

Этого мне было достаточно.

И я по мобильнику попросила бабулю приехать.

Отправив ей такси, я накрыла на стол и поставила на него бутылку белого сухого вина.

Через час мамина мама была у меня, а еще через полчаса мы пили вино и беседовали.

– Не хочу бросать работу, – разоткровенничалась я, – только сейчас я почувствовала себя самостоятельным человеком. К тому же, я буду лишена общения с тобой.

– А мы станем секретничать на кухне, – погладила меня по голове бабушка. – Детям нужен отец.

– Кажется, я разлюбила его, – выдохнула я и закашлялась.

На меня удивленно смотрели глаза малышей.

– Идите в детскую, – приказала бабуля.

Ребята повиновались.

– Не мне тебе говорить, что любовь можно восстановить при помощи колдовства, – Лилия Васильевна улыбалась. –

Все будет хорошо.

– А как же быть с памятью и разочарованием? – заплакала я.

– Он не изменял тебе, – обняла меня бабуля – Его приворожили. Есть разница.

Весь следующий день я была невнимательна, ауры пришедших людей видела плохо, но Милка вышла из положения. Она отпечатала и размножила советы по восстановлению биополя.

– Скоро будешь меня заменять, – после приема рассмеялась я. – Остается только научиться ясновидению.

– Самая малость! – расхохоталась подруга. А потом быстро посерьезнела и положила руку на мой лоб. – Горишь?

Я горела. Чувствовала, как неуютно Виталию, как он сомневается, идти домой или нет. Видела Назаренко. Она что-то объясняла моему бывшему и размахивала руками. А потом ее глаза с беспросветными зрачками остановились на мне. Я вздрогнула и постаралась абстрагироваться.

– Пойдем домой, – потянула меня за рукав Мила. – И под окнами народ рассосался. А завтра направим стопы в новый бизнес-центр. Я договорилась об аренде офиса.

Вечером в дверь неуверенно поскреблись. Открывать не хотелось.

– Мама, кто-то пришел, – подлетела ко мне Анжела.

– Папа пришел, – вздохнула я.

– Папа! – обрадовалась дочка и помчалась оповестить об этом брата.

В коридоре стоял Виталий и переминался с ноги на ногу.

– Как же ты долго был в командировке! – бросился к нему Олесь. Прислонившись к стене, Анжела ждала своей очереди.

Я тоже ждала. Ждала объяснений и извинений. Потискав детей, Виталий разулся и, пряча глаза, прошел в спальню.

Развернувшись, я удалилась на кухню, чтобы за чашкой кофе обдумать происходящее.

Глава 10. Чистый четверг – время изменить судьбу

Ночь я проворочалась в постели, размышляя о странном поведении Виталия. Он спал в гостиной на диване. Спал ли?

Наши общие дети дружно сопели в своих уютных кроватках, они легли уверенными, что папа приехал из долгой командировки.

Весь вечер муж прятал глаза даже тогда, когда согласился выпить с нами чашку чая.

Я встала и подошла к окну. Полная луна уныло висела на небе, равнодушно рассматривая беспокойный сон земной твердыни.

– Бабулечка, помоги, – непроизвольно произнесли мои губы.

Легкий шорох заставил вздрогнуть, это пронеслась по комнате моя боль. Или бабулины мысли обо мне.

А утром Виталий, выпив стакан воды, ушел на работу.

Я молчала, я не знала, как себя вести с этим ставшим чужим и непонятным человеком.

Приготовив обед и ужин, я поиграла с детьми и, дождавшись приезда мамы, пошла на работу, где меня с нетерпением поджидала Милка. Под окном как всегда толпился народ. При моем появлении этот народ как по команде повернул ко

мне тревожные лица.

Я ничего не сказала маме о переменах, произошедших в моей жизни, но я не могла не рассказать о них Милке и бабуле.

– Вот это да! – села на стул Людмила. – И что ты теперь собираешься делать?

– Обращусь к Лилии Васильевне, – удрученно проговорила я. – А ты пока удержи пациентов.

Милка бросилась в коридор, а я позвонила старой ведьме.

– Вечером буду у тебя, – быстро проговорила бабуля и отключилась.

Первым на прием зашел солидный мужчина.

Он тяжело опустился на стул и без предисловий стал жаловаться на то, что его бизнес идет ко дну.

– Обычно предприниматели обходят меня стороной, – улыбнулась я.

– Поверьте, предприниматели очень суеверные люди, – осветился ответной улыбкой мужчина.

Я внимательнее взгляделась в его ауру и поняла, что человека сглазили.

– Как чувствуют себя ваши дети? – гипнотизируя биополе пациента, поинтересовалась я.

– Болеть стали, – удивился моему вопросу бизнесмен. – И жена что-то подавленная ходит. Говорит, что ее подташ-нивает.

– Все ясно, – вздохнула я, – придите, пожалуйста, завтра. Я подумаю, как вам помочь.

– Это вам, – водрузил на стол две шоколадки посетитель. – Сколько я должен?

– Не беспокойтесь о деньгах, – усмехнулась я. – Много не возьму. Но о них завтра.

А сама подумала, что на следующей неделе страстная неделя и гадать на нее нельзя. Буду отдыхать, но принесет ли мне отдых радость в сопровождении недовольного лица Виталия.

– Несколько месяцев назад я взял нового сотрудника, – попытался вставить слово посетитель.

Но я уже видела молодого человека с раскосыми глазами, который принохивается и присматривается к делам шефа.

Раскосые глаза, врожденная хромота – с такими бы людьми я не связывалась. Как говорила бабуля, они приносят несчастье. Хотя о ДЦП этого сказать не могу – тут иное.

– Увольте его, Ярослав Станиславович, – приказала я. – Следующий!

Предприниматель закашлялся.

– Вы знаете мое имя? – сквозь кашель выдавил он.

– Оно витает над вашей головой, – поморщилась я. – Фамилия ваша Евстигнеев.

А сама удивилась своему новому навыку.

Ошарашено оглядываясь, предприниматель удалился, за ним зашла изнеможенная женщина лет пятидесяти.

– Сын пьет, – не поздоровавшись, сходу сообщила она. – Измучил меня, жить не хочу.

– У него нет запойной порчи, Елизавета Владимировна Короленко, – сканируя биополе женщины, проговорила я. – Иначе бы порча отразилась и на вашей ауре. Ваш муж пил, предки пили, вот и ему передалось.

– Все пили, – согласилась женщина, даже не удивившись тому, что я знаю ее паспортные данные.

– Вам крупно повезло, на той неделе Пасха, самый волшебный день года, – улыбнулась я.

– И что? – не поняла посетительница.

– Есть очень хороший ритуал на отвращение к спиртному, – я увидела, как глаза женщины загорелись.

– Записывайте, – я положила на стол шариковую ручку. – На Пасху поезжайте на кладбище, нарежьте освященный кулич на двенадцать частей и положите кусочки на двенадцать могил с именем сына. На каждой могилке поклонитесь покойнику и скажите: «Христос воскрес! Ты, покойник, не встаешь, вина не пьешь, так и по веку не вставай, вина не пей и рабу (имя) пить не давай. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». После ритуала уходите с погоста не оглядываясь.

– А если что полегче, – вздохнула женина.

«Кто хочет жить полегче, живет тяжело»! – внутренне возмутилась я, но виду не показала.

– В вашем случае поможет только это, так как прервать

родовое пьянство очень трудно.

Посетительница удалилась, недовольная моим советом.

«Ну и пусть, – вздохнула я. – Всем не угодишь».

Диагностика аур заняла у меня остальное время приема, а вечером я сидела с бабулей за чашкой чая.

Виталия не было, дети слонялись по квартире и ждали отца.

– Он снова уехал в командировку, – канючила Анжела, всматриваясь в окошко.

– Папа на работе, – не соглашался с ней Олесь.

– Итак, – когда дети скрылись в своей комнате, сказала бабуля. – Сначала пусть твой предприниматель снимет сглаз с бизнеса. Для этого надо наговорить на воду и в новолуние побрызгать там, где он работает. Чем больше он охватит объектов, тем лучше. В офисе этой водой поливают и цветы.

И она продиктовала заговор.

– Потом пусть прочитает молитву от сглаза доходов, – Лилия Васильевна отхлебнула глоточек чая и откусила конфету. – А хочешь, я научу тебя, как привлечь деньги в дом?

– Если бы ты научила меня этому раньше, я бы не стала работать, а занималась детьми, – возразила я.

– И осталась бы простой бабой, способной только погладить белье и приготовить пищу! – рассердилась мамина мама.

– Конечно, хочу, – поняла свою оплошность я. – Пойдем к компьютеру.

Мы встали и прошли в спальню.

– В Великий четверг брось деньги в воду и наговори на нее, – начала рассказывать бабуля. – Вымой этой водой сначала окна, затем двери и лишь потом пол. Пол надо мыть задом наперед, то есть от порога в комнаты. Заговор над водой читают 33 раза, сцепив мизинцы. Во время всех манипуляций ты должна быть в квартире совершенно одна и в полной тишине. Не бери телефонную трубку, не открывай двери, выдвори всех животных.

– У меня нет животных, – улыбнулась я.

– Не перебивай, – нахмурилась бабуля. – Будешь набирать заговор?

– Конечно, буду, – кивнула я.

– Так слушай. (См. книги Натальи Ивановны Степановой «Заговоры сибирской целительницы»)

– И еще ведаю один ритуал на Чистый четверг, – Лилия Васильевна положила ладонь на мое плечо. – Есть люди, которым постоянно не везет, так вот, им необходимо его знать.

– Даже так? – поразила я и подумала о себе.

– Не гневи Бога! – нахмурилась мамина мама. – Среди твоих пациентов обязательно такой попадется.

Я с готовностью положила руки на клавиатуру.

– В этом случае тоже, – мамина мама на минуту замолчала, – в полной тишине моют дом, только святой водой, а после уборки, обходя комнаты, говорят: «Как церковь очищает, как вода грязь смывает, так и ты, великий четверг, чистым

будь, очисти меня от всякого зла, от невезения, от невождер-
жания, от дьявольской клеветы, от дурной молвы, от злых
разговоров, бесовских споров. Во имя Отца и Сына и Свя-
того Духа. Аминь»

Неожиданно хлопнула входная дверь, я вздрогнула.
И чуть не расплакалась, потому что не рассказала о стран-
ном поведении Виталия. И не попросила совета.

– Я и без тебя знаю, – погладила меня по голове бабуля. –
Не трогай ты его пока, пусть оклемаётся.

– И как же нам сейчас жить? – слушая, как в коридор бегут
мои дети, всхлипнула я.

– Спокойно, – усмехнулась Лилия Васильевна. – Все об-
разуеться.

Глава 11. Свекровь – чужая кровь

Я проспала до десяти часов утра. Видимо, устала от волнений, организм решил восстановиться. А когда встала, Олесь и Анжела сидели на кухне и с аппетитом поедали пирожки, которые вчера привезла бабуля.

– Что же меня не разбудили? – ахнула я.

– Мама, ты не переживай, – взрослым тоном произнес Олесь, проглотив очередной кусок пирожка, – я уже взрослый и могу накормить сестренку сам.

– А чай? – я лихорадочно бросилась к плите и поставила чайник на конфорку.

– И так вкусно, – пробурчала Анжела.

Захотелось плакать – мои дети едят всухомятку, а я решаю чужие проблемы, хотя у самой их выше крыши. И Виталий нервы треплет, а бабуля говорит, что делать присуху к себе нельзя, человек становится зомби.

Ладно, будем терпеть и терпеливо ждать.

Чайник вскипел, я положила заварные пакетики в чашки и налила в них кипяток. А потом добавила молока, хотя прекрасно знала, что чай с молоком вреден для организма.

«Один раз – не страшно», – решила я и погладила детей по светлым головкам.

И тут забренчал смартфон. О, лучше бы я его не брала!

– Вероника, – этот голос я ненавидела, хотя делала вид,

что прекрасно отношусь к матери мужа. – Вероника, я приехала и сижу на вокзале.

«Ну и сиди», – подумала я, а сама спросила:

– Вы звонили Виталию?

– У него телефон недоступен, – возмутилась Клавдия Макаровна. – Разве он не сказал тебе, что я приеду?

Посвящать свекровь в наши семейные дела не хотелось, а потому я преувеличенно громко вдохнула и выдохнула:

– Простите, я закрутилась на работе и забыла.

– Как же так можно! – в интонациях свекрухи слышалось негодование.

– Возьмите такси, оплачу, – залебезила я.

Она отключилась, а я подошла к зеркалу, взгляделась в свое растерянное лицо и поняла, что сейчас себя ненавижу. За трусость. За лицемерие. За то, что постоянно теряюсь перед грозным ликом матери супруга и начинаю вести себя недостойно. То есть оправдываться.

Бабуля считает, что это правильно, надо уважать и почитать старших, но почитать ярко накрашенную маманю Виталия не хотелось: женщина под пятьдесят, а ведет себя с мужчинами, как капризная девушка. Меня же иначе как презрительным словом «она» не называет.

Изредка я слышу из ее уст свое имя, но это произносится нехотя, будто кто-то невидимый заставляет мадам делать то, что злым людям не свойственно.

– Приедет бабушка? – подошел ко мне Олесь. Лицо

его не выражало радости. Так же угрюмо прореагировала на прибытие родственницы Анжела.

«И что ей надо»? – фыркнула я, но взяла себя в руки.

– Это ваша бабуля, – наклонилась я к детям, – вы не должны показывать ей, что...

Я замялась. Что сказать? Не любите? Нельзя. Какое подобрать слово?

Но ребята уже бежали в детскую, чтобы там навести порядок. Олесь схватил легкий пылесос, а Анжела намочила тряпочку, чтобы вытирать пыль.

Через час Клавдия Макаровна уже сидела на кухне и брезгливо пробовала мой плов.

Ее внуки жались к стене и исподлобья наблюдали за бабушкой, которая даже не поцеловала их.

– Где Виталий? – первое, что спросила эта женщина. – Я соскучилась по нему.

«А по его детям»? – внутренне ахнула я и постепенно начала наливаясь здоровой злостью.

Когда-то я показала себя во всей красе, а потом испугалась своего нахальства. Но это нахальство заставило свежую кровь ретироваться в деревню. Что принудило мою отвагу капитулировать сегодня? Или кто? Лилия Васильевна, считающая Домострой?

Сославшись на головную боль, я ушла в спальню и позвонила бабушке.

– Теперь мне придется спать с Виталькой в одной постели, – всхлипнула я.

– Это вас и сблизит, Бог ничего просто так не делает, везде надо искать его подсказки, – мягко проговорила бабуля. – Зря ты не рассказала мне раньше, что Клавдия придет.

– Я и сама не знала, а Витька не говорил, – я продолжала всхлипывать.

– Запиши-ка молитву от людей, кои могут принести в твой дом зло, сглазить или сурочить. Она маленькая, – бабуля сделала паузу, а я побежала за бумагой и ручкой.

В гостиной на диване восседала свекровь и чему-то поучала своих внуков, понуро примостившихся на ковре.

– Итак, – бабушка вздохнула. – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий. Помоги мне очиститься от злобной зависти, вражеской ненависти и не допусти ко мне черные дни. Верую в тебя свято и усердно и молю о прощении. Когда в греховных помыслах и порочных делах, забываю о православной вере, прости меня, Господи, за эти грехи и не наказывай сильно. Не прогневайся на врагов моих, но возврати им горе мое, напущенное злыми людьми. Да будет воля твоя. Аминь».

– И враги не зайдут? – не поверила я.

– Даже если и зайдут, напасти от них не будет. А сейчас ты опоздала, Клавдия в твоей квартире, – в голосе Лилии Васильевны прозвучали металлические нотки.

Неужели она на моей стороне? С ее то восхищением До-

мостроєм!

– И что же теперь мне делать! – слезы заструились по моим щекам.

– Подумаю, – бабуля снова сделала паузу. – В крайнем случае, проведешь ритуал на Пасху.

– Какой? – воспряла духом я.

– На беспощадных врагов, а пока терпи, но не подавай виду, что ее боишься. И Виталия терпи. Тяжело будет, но молись Богу, читай «Отче наш». Я полистаю свои старые записи. Может, что и вспомню, – бабуля отключилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.